

В ряде специальных заметок, а также в общих очерках рассматривается весьма важная в Китае проблема народного образования. До создания Китайской Народной Республики многие народы страны не имели своей письменности (орочены, ли, хани и др.). Некоторые из малых народов Китая имели свою письменность, но графическая ее основа не пригодна в условиях демократических реформ и построения социализма: иногда это была письменность «ограниченного распространения», например рисуночное письмо наси или своеобразное иероглифическое жреческое письмо йи и мяо, иногда же, например у чжуан, это были китайские иероглифы, но положенные на бок или поставленные на голову; или же иероглифографически правильные, но с измененной фонетикой или семантикой, т. е. с иным чтением и осмыслением. В ряде случаев проповедники христианства и проводники колониализма (миссионеры Виаль, Поллард и др.), больше думавшие об отторжении от Китая его южных территорий, чем об обращении «язычников» цзинпо, лису, ва и др. в христианскую веру, разработали для отдельных народов Юго-Западного Китая письменность на латинской графической основе, но осложненную дополнительными знаками или применением «танцующих букв», лежащих, перевернутых и т. д. Такая письменность также не могла удовлетворить требованиям современности. Благодаря огромной работе, проведенной китайскими учеными Института языков национальных меньшинств и Института языкознания Академии наук Китайской Народной Республики была разработана или усовершенствована письменность для большинства народов страны. О применении этой новой, относительно совершенной алфавитной письменности, которой любой учащийся легко овладевает за два, максимум три месяца, рассказывается в очерке о подъеме культуры чжуан (1957, № 7, стр. 6—7, автор Ли Чжун-куй), о новой школе у йи (1957, № 6, стр. 16—17, автор представитель народности йи Хэ Сян-лун, фото Ма Дин-хуэя) и у яо (1957, № 2, стр. 21, автор Чжан Ло), о кооперативе ли и мяо на о-ве Хайнань (1957, № 8, стр. 16—17, автор Ван Пэй-шоу). Кроме этих специальных очерков, в каждом номере имеется заключительная страничка, которая представляет собой интересный обзор текущих событий внутренней и международной жизни. Журнал в живой интересной форме откликается на важные события международного характера. Так, в декабрьском номере помещен специальный очерк о запуске советских искусственных спутников земли и портрет «первого стратонавта» — Лайки (стр. 22—23, автор текста проф. Чэн Цзун-гуй).

Ряд очерков посвящен дружественным отношениям Китайской Народной Республики с соседними странами (пребыванию в КНР миссии Бирманского Союза, поездке Китайской миссии доброй воли в Индию и т. д.). Совершенно естественно, что наибольшее место среди очерков этого типа занимают статьи и заметки о китайско-советской дружбе. Только за 1957 г. братской связи двух великих соседей посвящены семь специальных очерков и ряд заметок.

Материалы, помещаемые в журнале, имеют большой этнографический интерес. Журнал содействует решению основной задачи этнографии — изучению национальной специфики, которая отличает один народ от другого, того ценного в культуре каждого народа, что этот народ привносит в культуру своей родины, а следовательно, и в мировую культуру.

Можно лишь приветствовать авторский и редакционный коллектив журнала и пожелать ему успехов в дальнейшей работе.

Г. Г. Стратанович

ЭТНОГРАФИЧЕСКИЕ МАТЕРИАЛЫ В ЖУРНАЛЕ «НОВАЯ КОРЕЯ» (1956—1957)

С 1950 г. в КНДР ежемесячно издается журнал «Новая Корея». Выходящий на корейском, китайском, русском, английском языках, этот печатный орган имеет своей целью ознакомить зарубежных читателей с важнейшими событиями политической, экономической и культурной жизни Корейской Народно-Демократической Республики.

На страницах журнала выступают со своими статьями крупнейшие ученые, писатели и общественные деятели страны. Их работы, посвященные вопросам строительства основ социализма в КНДР, истории корейской культуры и искусства, описанию природных достопримечательностей Страны Утренней Свежести, и статьи о создании нового быта дают интересный материал для занимающихся изучением корейской этнографии.

Весь этнографический материал, содержащийся в журнале, можно разделить на два типа. Первый тип — это статьи, посвященные различным проблемам корейской этнографии; второй — корреспонденции с мест, являющиеся своеобразным источником для изучения процессов строительства нового быта в корейской деревне.

Значительная часть статей по этнографическим вопросам посвящена народному искусству, праздникам и развлечениям. Такова, например, интересная статья Хан Хена (№ 2, 1956) об одном из жанров национального искусства корейского народа — танцах в масках.

Как указывает Хан Хен, первые упоминания о корейских танцах в масках относятся к периоду трех государств Когурё, Пекче, Силла — I—VII вв. н. э., когда согласно летописи, было уже известно пять видов танца. В период правления династии Коре (918—1392) танцы в масках получили свое дальнейшее развитие и приняли форму представлений «Сандягук». С этого времени они прочно заняли свое место в жизни корейского народа.

В период династии Ли (1392—1910) спектакли в масках «Сандягук» устраивались в Пхеньяне, Хвандю и в пригородах Сеула во время торжественных встреч китайских послов. За проведением этих представлений следил особый человек — «сандя тогам».

Каждая провинция имела свои оригинальные танцы. Особенно прочно танец в масках вошел в быт крестьян провинции Хванхэ, став одним из любимейших народных развлечений. Как сообщает автор статьи, по типу масок танцевальные спектакли делятся на две группы: маски района Хядю, близкие к человеческому образу, и маски уезда Бонсан, изображающие уродливые, комические маски чертей, размазанные яркими пестрыми красками. Танцы уезда Хядю плавны и медлительны, танцы уезда Бонсан — стремительны и жизнерадостны.

Со времени проникновения буддизма (IV—VI вв.), согласно обычаю, танцы в масках должны исполняться с 8 апреля (день рождения Будды по лунному календарю) по 5 мая (праздник лета «Тано»). Танцы в масках исполнялись на специальных площадках, между 9 кострами и длились всю ночь до рассвета. В спектакле принимали участие 25 актеров, лица которых скрывались под 12 различными масками человеческого облика, обезьяны и льва. Автор подробно описывает способ изготовления масок и материал, из которого они делались. Старинное народное представление в масках, донные существующее в провинции Хванхэдо, включает сольные и групповые народные танцы, музыку, песни, прибаутки и диалоги, т. е. является сложным комплексом с определенным сюжетом. Таковы: танцы буддийских монахов, танец скоморохов, танец льва и янбана (дворянина), танец супругов Ми Ар.

На новой основе возрождается в Коре, уже как профессиональный, народный театр кукол (см. статью Ли Сун Хва, № 4, 1957). Кукольный театр существовал у корейского народа уже в глубокой древности. Письменные источники сообщают о том, что в Когурё и Пекче давалось представление, во время которого «куклы танцевали под музыку», а в период Силла корейский кукольный театр пользовался известностью даже в Китае. В период династий Коре и Ли кукольные представления устраивались на новый год, в январское полнолуние, в ночь на 8 апреля. Здесь были и разнообразные кукольные пантомимы, и всеобщий любимец Пак Чем Ди — неунывающий старик-весельчак, с неисчерпаемым запасом шуток, народных поговорок, острот, прибауток.

Однако в период господства японских колонизаторов корейский народный театр кукол перестал существовать. И только после 1945 г. началось возрождение этого вида народного искусства. О любимом развлечении корейских женщин во время веселого летнего праздника «Тано» (5 мая) — качелях рассказывается на страницах журнала № 5 за 1957 г. Уже в период династии Коре качели были одним из развлечений девушек и женщин, а в период династии Ли, когда им запрещалось свободное хождение по улицам, катание на качелях разрешалось как часть религиозной церемонии. Раз в год в городах и селах устраивались качели и проводились соревнования. Сейчас катание на качелях — один из видов спорта.

Другой глубоко национальной игрой корейских женщин являются нэлтуйги (прыжки на доске), проводившиеся обычно в январе. С нэлтуйги связана примета: «Если поиграть в нэлтуйги в январе, то весь год не будет заноз в подошвах ног».

Об этой народной игре, ставшей сегодня также одним из видов национального спорта, рассказывается на страницах журнала № 3 за 1957 г.

Широкой популярностью пользуется у корейских женщин художественная вышивка, которой посвящена небольшая заметка в № 4 за 1956 г.

Об истории народной песни «Тондолари» рассказывает содержательная статья Сон Чан Уна (№ 5, 1956). В провинции Южный Хамгён с незапамятных времен существовал среди женщин обычай собираться в дни народных праздников. Таким праздником был «Толидэ», справлялся он во втором месяце по лунному календарю. В этот день женщины уходили собирать лук и распевали свои любимые песни, среди них была и лирическая песня «Тондолари». Однако в период колониального владычества Японии содержание песни изменилось.

Созданная в 1925 г. Коммунистическая партия Кореи боролась за легальные формы работы, используя для этого народные праздники и народные гуляния. Эта работа продолжалась корейскими патриотами и после ликвидации компартии. В 1927 г. праздник «Толидэ» совпал с Международным женским днем 8 марта, и в последующие годы он приурочивался к этому дню. В этот период «Тондолари» стала боевой патриотической песней. И не случайно 7 ноября 1931 г. молодежь города Сокху двинулась на штурм волостного управления и полицейского участка с пением «Тондолари».

С началом японской агрессии против Китая и мобилизацией корейской молодежи в песне зазвучали слезы матерей, жен и детей. Но корейский народ знал, что черные дни пройдут. Он обращал свои взоры на Север, к Советскому Союзу, и поэтому все чаще стало звучать в песне слово «райсо» (рай — приди, со — Советский Союз).

Автор отмечает, что жизнь песни продолжается и сейчас. Народ вкладывает в нее новое, радостное содержание.

Большой историко-этнографический интерес представляет «Жэхэйский дневник» Пак Чи Вона — крупного писателя и философа Кореи XVIII в. В № 3 журнала за 1957 год впервые на русском языке публикуется отрывок из этого сочинения. Дневник был написан Пак Чи Воном во время его первого посещения Китая в составе дипломатической миссии. Запись от 26 июня 1780 г. посвящена китайскому городу Фынхуанчэн. Автор подробно описывает строительство, планировку, внутреннее убранство домов в Китае, своеобразные способы укладки черепицы в Китае и Корее. Очень интересны высказывания Пак Чи Вона о границе расселения древних корейских племен, которая уходила далеко на запад от Амнокана. Очевидно, первоначально столица корейцев — Пхеньян — стояла на р. Ляо или ее притоках. Затем по мере продвижения китайских племен корейские отходили на восток и последовательно переносили свою столицу с Ляо на Амнокан, с Амнокана на Чхончхонган, с Чхончхонгана на Тэтонган. Опираясь на высказывания древних корейских поэтов и писателей, Пак Чи Вон убедительно доказывает, что Фынхуанчэн (иначе Ансисэн) построен на территории одного из городов древних корейцев, носившего название Пхеньян.

* * *

Журнал широко освещает сегодняшний трудовой день корейских рабочих и крестьян. Из скупых строк многочисленных корреспонденций с мест перед нами встает грандиозная картина социалистических преобразований в северокорейской деревне, появление новых черт в быту корейских трудящихся. Но, говоря о сегодняшних достижениях, корейцы не забывают о годах колониального господства японцев.

Примечателен рассказ о быте хвяджженминов (людей огненных полей), занимавшихся подсечно-огневым земледелием в дремучих лесах на плоскогорье Осудэк в нижнем течении Амнокана (№ 4, 1956).

Изгнанные помещиками из родных краев крестьяне находили прибежище в этих лесах. Они вырубали вековые деревья, выкорчевывали пни, поднимали целину. Однако суровый климат и недостаток воды препятствовали земледелию. Спасаясь от голодной смерти, люди собирали съедобные травы, корни, грибы. Зимой растапливали снег, а летом пользовались дождевой водой. Низкий уровень жизни, бедствия и лишения способствовали консервации примитивных верований и обрядов. Несмотря на страшную нужду, каждую весну и осень жители этих мест приносили жертвы духу — хозяину лесов, который в отместку за вторжение в его владения и уничтожение лесов, по их представлениям, посылал на них разные беды.

По-новому сложилась жизнь корейских крестьян Северной Кореи после освобождения. Проведенная в 1946 г. земельная реформа превратила корейскую деревню в середняцкую, так как 724 522 двора малоземельных и безземельных крестьян получили землю. Повышение материального уровня сопровождалось улучшением бытовых условий. В 1948 г. крестьяне Северной Кореи построили 1 млн. новых жилых домов, а 260 тыс. дворов провели электричество (№ 3, 1956).

Развязав захватническую войну, американские империалисты и клика Ли Сын Ма-на рассчитывали свести на нет все демократические преобразования корейского народа. Однако они глубоко просчитались. Возможно, в других условиях, при другом строе корейскому народу потребовалось бы много десятков лет на восстановление своей экономики. Но в условиях народно-демократического строя, при братской помощи всех стран социалистического лагеря, особенно Советского Союза и Китайской Народной Республики, народ Северной Кореи, руководимый Трудовой партией, быстро залечил тяжелые раны войны и сделал новый большой шаг вперед в своем развитии.

Северная Корея, некогда питавшаяся рисом за счет житниц Юга, теперь в состоянии не только обеспечить себя, но и оказать помощь голодающему крестьянству Южной Кореи. Золотыми буквами будет вписано в историю Кореи всенародное строительство в течение всего лишь 9 месяцев оросительной системы Южный Пхенан. В результате его завершения было обводнено 15 500 га сухоходльных земель, 1400 залежных земель, а 17 800 га было спасено от угрозы наводнения.

Об истории борьбы корейского народа за обводнение и осушение земель рассказывает статья Ли Сын Чера «Преобразование природы» (№ 7, 1956).

Очень ценным для этнографа является материал, собранный в статье Лим Хи Чуна «Рисоводство в Корее» (№ 6, 1957). Автор подробно описывает те новые методы в области выращивания риса, которые появились в Корее недавно и свидетельствуют о неистощимой творческой энергии корейских крестьян и ученых. Так, в последние годы в КНДР значительно улучшен способ высаживания рассады. На научную основу поставлена работа по отбору и выведению новых сортов риса. Большой вклад в развитие рисоводства вносит Научно-исследовательский институт сельского хозяйства КНДР.

На помощь крестьянам приходят машины. «Рабочие труженики села» — под таким заголовком публикует журнал корреспонденцию Тен Ген Дю о Кянском заводе сельскохозяйственного машиностроения (№ 10, 1956). В ней рассказывается о том, что за 9 месяцев 1956 г. коллектив завода изготовил и послал труженикам деревни около 35 тыс. различных сельскохозяйственных машин более 20 видов.

Особое внимание обращается сейчас в республике на выращивание плодовых садов, которые должны скоро зацвести не только вокруг домов, но и вдоль дорог, на склонах гор. Недалеко то время, когда Страна Утренней Свежести превратится в цветущий сад.

Корейским фруктам посвящена интересная статья в № 10 за 1957 г. В ней автор пишет, что уже в древности корейцы культивировали различные виды фруктов: абрикосы, сливы, вишни, груши, хурму и др. Намного позднее, лет 70 назад, стали впервые культивироваться в Корее яблоки, которые ныне занимают 81% всей площади садов.

Издавна вошло в обиход украшать фруктами столы на свадебных, траурных и других церемониях. Для этого обычно использовались груши, хурма, финики, каштаны. В последние годы стали появляться яблоки. С древних времен корейцы готовят прекрасные блюда из фруктов.

В статье упоминается об интересном обычае, связанном с сырыми каштанами, которые во время свадьбы кладут на кровать новобрачным. К сожалению, автор не раскрывает содержания этого обычая.

В некоторых статьях сообщается о том, как используются национальные черты в архитектуре, как внимательны корейские строители к национальным обычаям и привычкам своего народа. Так, при строительстве новых многоэтажных домов сохраняется на всех этажах кановый пол (№ 10, 1957). В квартирах создаются специальные кладовые для кимчи (соленая капуста) (№ 11, 1956).

Авторы небольших корреспонденций с мест обращают свое главное внимание на то новое, что наблюдается в жизни народа Северной Кореи.

С созданием кооперативов по-новому пошла жизнь. Появились в деревнях новые школы, больницы, детские сады и ясли. Все чаще крестьянские дома покрывают черепицей, электричество и радио стали обычным явлением. Стук станков для плетения соломенных циновок сливается со стуком швейной машины.

В корейском быту появляются ранее почти не известные изделия из вельвета, фланели, эмалированная и пластмассовая посуда (№ 3, 1957).

За последние годы впервые в истории Кореи текстильщики страны стали производить различные сорта высококачественных шелковых узорчатых тканей, а также жоржет и различные сорта крепдешина.

Сдача в эксплуатацию первой красильно-отбелочной фабрики, которая дает возможность окрашивать 40% всех выпускаемых хлопчатобумажных тканей, делает костюм корейских женщин еще более красочным и нарядным (№ 3, 1957). С каждым днем изменяется к лучшему быт народа. И мы благодарны журналу «Новая Корея», который внимательно следит за этими изменениями и знакомит с ними советских читателей.

Р. Джарылгасинова

НАРОДЫ АМЕРИКИ

H. M. Wormington. *Ancient man in North America*. «Denver Museum of Natural History (popular series)», № 4, Denver, Colorado, 1957, 322 стр.

Четвертое издание книги Г. Уормингтон, как и предыдущие, рассчитано на массового читателя. Тем не менее оно дает полную сводку накопленных к настоящему времени геологических, археологических и антропологических фактов по вопросу о заселении Северной Америки человеком.

В главе первой рассматриваются вопросы терминологии, являющиеся сейчас дискуссионными, в частности вопрос о границах применения термина «палеоиндеец». В ряде работ американских исследователей под этим термином подразумевается известная культурная и даже этническая общность, охватывающая ряд локальных групп. Г. Уормингтон предлагает расширенное толкование этого термина, распространяя его на все древнее население Америки. Так как вопрос об историко-этнографических областях в Северной Америке в эпоху, предшествующую появлению керамики, не может считаться разработанным, расширенное применение термина «палеоиндеец» представляется вполне убедительным.

Вторая и третья главы посвящены геологии и методам датировки. В результате исследований последних лет Висконсинское оледенение можно подразделить на четыре периода, получившие названия Йованского, Тейзвелского, Керийского и Монкейтского (последний этап называется иногда Валдерским). В некоторых южных и юго-западных районах Висконсинскому оледенению соответствовали два периода обильных дождей. Первый из них — Воневильский может быть предположительно синхронизирован с Йованским, второй — Прово — с Керийским и Монкейтским или только с Монкейтским этапом Висконсинского оледенения. До сих пор нерешенным остается вопрос о разграничении плейстоцена и современной эпохи. Р. Флинт и Е. Антевс применяют термин «плейстоцен» как равнозначный «четвертичному периоду» и включают в него и современность. Однако большинство американских геологов полагает, что хронологическая граница должна быть проведена в соответствии с временем первого потепления климата в результате окончательного отступления ледника. Основание для такого заключения дает приуроченное к этому моменту исчезновение многих видов млекопитающих — мамонта и верблюда, после чего фауна приобретает современный видовой состав. В абсолютных цифрах это датируется по-видимому, 10—9 тыс. лет до н. э.